

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

**НИКОН — ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ
РУСИ**

*«Манием дивным даде ему Бог стражу стада,
Постави его пастыря всего си града,
Архиерея России всей преименита
Отца Святейша, всем концам знаменита».*

(Эпитафия Никону)

Необходимость выбора нового Патриарха очень взволновала «ревнителей благочестия». Сперва они предложили на этот высокий пост духовника царя о. Стефана Вонифатьева. Но Стефан отказался и предложил Никона (ведь именно на Никона возлагал сам о. Стефан особые надежды). Тогда «ревнители», в том числе протоиереи Иоанн Неронов, Аввакум, Лазарь, Даниил и прочие, написали царю и подписали челобитную с просьбой поставить Патриархом митрополита Никона³⁹.

В Москве собрался представительный собор архиереев и духовенства, которому были предложены 12 имен кандидатов в Патриархи, чтобы избрать из них одного — достойнейшего. Собор указал митрополита Никона. 22 июля 1652 г. царь, бояре и духовенство отслужили в Успенском соборе молебен Святой Троице, Богородице (с акафистом), Бесплотным Сидам, апостолам, Московским чудотворцам — святителям Петру, Алексею, Ионе и Филиппу. После молебна послали нескольких архиереев и высоких сановников на новгородское подворье, где находился митрополит, с приглашением прибыть в Успенский собор.

Но тут произошло непредвиденное. Никон решительно отказался. За ним посылали несколько раз и всё безуспешно. Наконец, царь распорядился привести святителя против его воли. Растерявшийся Алексей Михайлович и весь собор у раки Митрополита Филиппа начали уговаривать Никона. Он категорически отказывался, ссылаясь на свое неразумие и неспособность к

великому служению. В напрасных мольбах прошло так много времени, что стало вполне очевидным, что Никон отнюдь не «смиреничается», а в самом деле с твердой решимостью отрекается от предлагаемой чести. Все планы царя и о. Стефана рушились. Тогда Алексей Михайлович упал на землю и заплакал. За ним повалились архиереи, бояре, народ, плач пошел по всей церкви. Этого святитель Никон не мог выдержать. Вспомнив, что сердце царя, по Писанию, «в руце Божий», он обратился с речью ко всем присутствующим. Никон сказал, что хотя мы и приняли от православной Греции истинную веру, «но на деле не исполняем ни заповедей евангельских, ни правил святых апостолов и святых отцов, ни законов благочестивых царей греческих». «Если вам угодно, чтобы я был у вас Патриархом, — предложил Никон, — дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви пред Господом и Спасителем нашим и пред Его Пресвятой Матерью, ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и святых отцов и законы благочестивых царей. Если обещаете слушаться и меня, как вашего главного архипастыря и отца, во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах (по С. М. Соловьеву — «и дадите мне Церковь устроить»), в таком случае я, по вашему желанию и прошению, не буду больше отрекаться от великого архиерейства».

Царь, бояре, епископы, духовенство и народ пред Евангелием и иконами принесли обет исполнить всё, что предложил Никон. После этого святитель изрек свое согласие. 25 июля он был посвящен в Патриарха Московского и всея Руси собором архиереев во главе с митрополитом Казанским Корнилием в присутствии царя и множества народа в том же Успенском соборе Кремля⁴⁰,

Условие всеобщего себе послушания в делах веры, поставленное Никоном, — явление необычное и требует объяснений. Прежде всего, следует вспомнить, что Никон — воспитанник русского монастыря, и его психология — это психология монастырская. Он смотрел на Патриаршество как на игуменство в большом монастыре. А монастырская жизнь — это, главным образом, послушание, подвиг добровольного отречения своей воли в пользу игумена, который вовсе не тиран и властитель (в мирском смысле), а отец, пекущийся о душевном спасении своих чад. Такого послушания себе как отцу и всероссийскому игумену и

потребовал Никон. Иначе он не мог и не хотел мыслить своего Патриаршества.

Такой взгляд на вещи имел глубокое основание в жизненном укладе и мировосприятии людей России того времени. В основе русской духовной жизни лежали Священное Писание, Типикон, сочинения отцов Церкви и жития святых. Содержанием этих книг, самим духом традиционного Православия и определялась жизнь всего общества. Любое земное общество человеческое далеко не однородно. В нем всегда есть и отпетые грешники, и люди «половинчатые», подверженные отчасти греху, отчасти добродетелям, и, наконец, — люди святые. Русское общество было достаточно богато явлениями как отрицательного, так и положительного характера. И все же можно говорить о господствующем «духе общества», и судить о нем по тем духовно-нравственным идеалам, которые являются общепризнанными. В народных массах святых людей так же мало, как золота в массах земли, но оттого-то и велика их духовная ценность и притягательная сила примера! Но вопрос о том, *кого* общество почитает святыми, перед *каким* образом жизни оно преклоняется? Россия середины XVII в. более всего чтит монахов-подвижников и Христа ради юродивых. Всецелое отречение от страстей и суеты мира сего признавались всеми самым верным и лучшим образом жизни во Христе. Благочестивые русские люди на смертном одре стремились принять монашество и даже великую схиму. Не все могли стать иноками в полном, смысле этого слова, но все должны были быть подвижниками, — таково было общее убеждение. Даже люди, погрязшие, казалось бы, в самой глубине грубейших страстей, знали, что они совершают грех, и перед подлинной христианской святостью испытывали истинное благоговение. Павел Алеппский, наблюдавший в это время Россию церковную за богослужением и молитвой, рисует поразительно светлый лик русского Православия, сообщает яркие примеры народного благочестия, необычайной любви народа к Церкви. «Монахи подражают ангелам, а мирские должны подражать монахам» — эти слова Иоанна Лествичника можно считать девизом русского общества середины XVII в. Монашеский в основе своей Устав церковной жизни и службы не знал различий между монастырем и обычным приходом, был одинаково обязателен для всех. Сердечная привязанность русских людей к своей вере и Церкви являлась

могучим источником народного патриотизма.

С этой точки зрения, Россия в самом деле была чем-то вроде огромного монастыря со своими писанными и исписанными уставами, духовными традициями и обычаями. «Свой монастырь» старались ревниво ограждать от всех чуждых влияний, особенно от западных. В настоятельство этим «монастырем» и вступал теперь Патриарх Никон, и поэтому его требования при избрании на Патриаршество были всеми поняты и у современников его не вызывали недоумений.

Не следует, повторяем, идеализировать духовное состояние общества того времени. Потому Никон и взял у России обещание в послушании, что прекрасно понимал и знал, что в обществе, как, впрочем, и в монастыре, далеко не все благочестивы и послушны. Это относилось в особенности к высшему сословию. Когда Никон, еще будучи митрополитом, ездил за мощами святого Филиппа, в его свите находились некоторые царские сановники, в том числе князь Иван Хованский, который написал царю слезную жалобу, говоря, что он совсем «пропал» и «пропасть» его состояла в том, что Никон заставил его присутствовать ежедневно на молитвенном правиле. Алексей Михайлович по этому поводу сообщает Никону: «да и у нас перешептывали на меня: никогда-де такого бесчестия не было, что теперь государь нас выдал митрополитам». Царь «молит» Никона, чтобы он освободил Хованского от молитвы, замечая при этом: «добро, государь, учить премудра, премудрее будет, а безумному — мозолне ему есть...» Царь пишет далее, чтобы Никон не говорил князю, что узнал о его жалобах от царя, но сказал бы, что ему «от других» стало известно об этом⁴¹. Павел Алеппский рассказывает, как однажды Алексей Михайлович приказал при всем народе бросить в Москву-реку нескольких бояр, не явившихся к воскресной литургии, приговаривая: «Вот вам награда за то, что вы предпочли спать со своими женами в утро этого благословенного дня»⁴².

Именно в высшем сословии находило себе страстных поклонников влияние Запада, заползавшее в Россию через «немецкую слободу» в Москве, гостиные дворы и лавки иностранцев в других крупных городах⁴³.

Так что прежде всего от придворной знати (для которой послушание духовному лицу казалось «бесчестием») мог ожидать Никон противодействия своей патриаршей власти. Эта знать была

важнейшим звеном системы государственного управления страны. Во главе системы стоял царь. Патриарх — и царь... Церковь — и государство. Два начала в одном православном обществе... Это как дух и плоть в одном существе человека. При общей греховной поврежденности определенная борьба между ними неизбежна. В России за всю ее многовековую историю был известен только один серьезный конфликт между Церковью и монархией при Иване Грозном. После Смутного времени особым Промыслом Божиим обществу был указан образ отношений монархии и Церкви: царем был избран Михаил Федорович, а Патриархом оказался его родной отец — Филарет (Федор) Романов... Если любовь и согласие царя Михаила и Патриарха Филарета основывались на кровном, плотском родстве, то отношения Алексея Михайловича и Патриарха Никона восходили на новую, высшую ступень, становясь союзом духовной любви, родства во Христе. Большого и лучшего и быть не могло! В то же время это было и самым естественным и здоровым для христианского общества, где многое строилось не только (и не столько) на законе, сколько на духе подлинной семейной любви и братства. Можно сказать, что неразрывное, хотя и несмешиваемое, единство государственной и церковной власти составляло естественную основу общественной жизни Руси. Духовное главенство при этом, конечно, принадлежало Церкви, но оно было именно духовным и никогда не превращалось в главенство политическое. В свою очередь и царь (за исключением Ивана Грозного) никогда не использовал своей политической самодержавности для самоуправства по отношению к Церкви, так как конечный смысл жизни всего русского общества в целом, включая царя, состоял в том, чтобы в Церкви и через Церковь обретать временное и вечное единение с Богом. При тогдашних системах управления личные отношения царя и Патриарха в значительной мере с неизбежностью превращались в отношения государства и Церкви. О личных отношениях Патриарха Никона и Алексея Михайловича Шушерин пишет так: «Между же оными любовь тако велика бысть, яко едва когда и на малое время в Российском царстве между царей и святейших Патриархов бяше, оною же не точию все Российское царство радовашеся, но и многия окрестныя царствия слышавше удивляхуся»⁴⁴.

Вместе с тем, что касается управления церковными делами, то для XVII в. характерна подчиненность их и государственным, и

церковным инстанциям, так что можно определенно говорить о двуедином (церковно-государственном) управлении Русской Церковью. При этом мера и характер государственного участия в церковном управлении не были определены, изменились, не имели строго очерченных границ, во многом зависели от произвола государей⁴⁵.

Первейшей задачей Никона явилось поэтому всемерное обеспечение должного приоритета церковной власти в делах Церкви. Между Никоном и Алексеем Михайловичем с самого начала была достигнута по этому вопросу договоренность, и, как полагают, даже закреплённая особой грамотой⁴⁶, согласно которой царь предоставлял Патриарху полную самостоятельность в управлении Церковью, т. е. всеми богослужебными делами, назначением и перемещением духовенства, судом по чисто духовным делам. Церковные владения и денежные средства считались общенациональным достоянием. В случае особой нужды (например, войны) царь мог безвозмездно взять столько церковных средств, сколько было нужно. Власти епархий и монастырей могли расходовать лишь строго определенные деньги на текущие нужды. Все непредвиденные и крупные расходы делались только по разрешению царя. Во всех монастырях и епархиальных управлениях постоянно находились государственные чиновники, под бдительным контролем которых были церковные имущества и средства. Они же судили церковных крестьян и других людей по гражданским и уголовным делам. Особый «Монастырский приказ» в Москве, согласно Уложению 1649 г., ведал всем духовенством, кроме Патриарха, по гражданским и уголовным делам. Хотя Никон в 1649 г. вместе со всеми поставил свою подпись под Уложением, он внутренне не был с ним согласен, а сделавшись Патриархом, заявил об этом открыто. Больше всего его возмущало, что светские лица — бояре Монастырского приказа — имели право судить по гражданским искам духовных лиц. Он считал это положение в корне нецерковным и нехристианским. Еще в бытность Никона митрополитом Новгородским царь, зная его взгляды, дал ему «несудимую грамоту» на всю митрополию, согласно чему из ведения Монастырского приказа на суд митрополита передавались все дела подчиненных Церкви людей, кроме дел «убийственных, татных и разбойных». Став Патриархом, Никон оформил такую же неподсудность Монастырскому приказу своей патриаршей епархии

(в то время Патриарх, как и все правящие архиереи, имел свою особую епархию, состоящую из Москвы и обширных прилегающих земель). Как бы в противовес Уложению 1649 г. Никон издал «Кормчую книгу», содержащую святыя каноны Церкви и различные узаконения о Церкви древних благочестивых греческих царей. Как мы увидим, до конца своего Патриаршества Никон не переставал бороться против Монастырского приказа. Следует отметить, что это была борьба не за полную «свободу» Церкви от государства (чего в России того времени и быть не могло), а лишь за восстановление должного канонического авторитета Патриарха и всего духовенства в делах сугубо духовных, а также за некоторое допустимое условиями России расширение прав церковной власти над подчиненными людьми по гражданским делам.

Свою патриаршую деятельность Никон начал всесторонним улучшением церковной жизни. Прежде всего, он поднял на должную высоту чинность, благолепие, учительность и молитвенность богослужения⁴⁷. Он сам служил все воскресные, праздничные службы и службы всем особо чтимым святым. В будни он непременно бывал в храмах за Божественной литургией. Он ввел в обиход церквей строгую уставность, неспешность, обязательную устную проповедь. Никон полностью искоренил в Церкви многоголосицу. Было упразднено также и уродливое «хомовое» пение. Вместо этого в храмах зазвучали стройные греческие и мелодичные- киевские распевы.

Патриарх Никон служил очень спокойно, сосредоточенно, произносил возгласы приятным, низким и тихим голосом, часто проповедовал. Проповеди его отличались красноречием, содержали много образов и примеров из Священного Писания и Предания, сочинений святых отцов, житий святых, священной и гражданской истории, были глубоки по мысли, пространны и часто произносились в состоянии высокого духовного подъема. Историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков) утверждает, что в то время среди архиереев не было равного святителю Никону в слове⁴⁸.

Патриарх Никон любил храм и богослужение всей душой. Он вполне разделял общее представление о храме как образе Царства Небесного, и о священнослужителях как образах Христа Спасителя и ангелов Его, пребывающих во славе Горнего мира. Поэтому, будучи в личной жизни строгим подвижником и очень скромным в одеждах, Патриарх за богослужением считал необходимым по

возможности самые красивые и драгоценные облачения для духовенства. Его ризы отличались необычайным великолепием. У Патриарха Никона это было не просто пристрастием к внешней красоте, но проистекало из глубокого убеждения в том, что Церковь земная должна являть людям в видимых вещественных образах дивную красоту и славу Церкви Небесной, Иерусалима Нового. Ибо возведение людей к Горнему миру, к жизни в Царствии Небесном — основная задача Православной Церкви. Здесь сказывалось и символическое восприятие церковных вещей, как содержащих в себе таинственное присутствие того, что ими изображается.

Пример патриарших богослужений был быстро воспринят всей Русской Церковью, так что чинность, неспешность, благолепие и учительность службы скоро сделались общепризнанной нормой, отступления от которой и по сей день считаются грехом. Здесь Никон действовал не только примером, но и специальными письменными и устными распоряжениями.

Предметом его особой заботы явились ставленники. В устроенном для них особом «приказе» ищущие рукоположения, числом обычно до 30—40 человек, с трепетом готовились к своеобразному экзамену, который Патриарх устраивал для них. Он сам подходил к каждому ставленнику и предлагал прочесть из раскрытой книги какой-либо богослужебный текст. Если ставленник читал достаточно свободно и осмысленно, Никон ставил против его имени в списке пометку «достоин», а если чтение не удавалось, кандидата отправляли домой ни с чем. Все ставленники должны были иметь при себе ходатайство прихожан своей церкви и рекомендации духовных лиц и государственных чиновников той местности, из которой они прибыли. При облачении рукополагаемого в священные одежды Патриарх сам истолковывал духовный смысл молитв на облачение каждой одежды так, чтобы новопосвященный хорошо запомнил их символическое значение. Каждому рукоположенному давалась ставленническая грамота с печатью и подписью Патриарха. Рукоположения происходили за каждой обедней, которую служил святитель, даже за литургией Преждеосвященных Даров и за Пасхальной литургией⁴⁹.

Патриарх делал очень, многое для поднятия на должную высоту авторитета русского духовного сословия. Павел Алеппский

свидетельствует об огромном уважении в обществе даже к рядовым священникам. «Воеводы и власти равным образом уважают и почитают их и, как нам приходилось видеть, снимают перед ними свои колпаки... Когда священник идет по улице, то люди спешат к нему с поклоном для получения благословения»⁵⁰. Перед архиереем воеводы стояли с непокрытыми головами, не смея сесть даже по приглашению⁵¹. Особым указом Патриарх Никон вменял в обязанность священникам и диаконам воспитывать своих сыновей так, чтобы они непременно становились священнослужителями, не унижая чести духовного сословия переходом в сферу мирских занятий. Впоследствии Собор 1666—1667 гг. придал этому распоряжению силу закона⁵². Все священники, диаконы и даже их жены носили особые одежды, по которым их можно было отличить⁵³. Тем паче монахи всегда должны были ходить в своих одеждах, клобуках и мантиях. Монахов, которые дерзали появляться в городе без мантии, ссылали «в сибирские страны ловить соболей». Архиерея никто из мирян не должен был видеть иначе, как только в архиерейской мантии⁵⁴.

Русские священники в большинстве своем были истинными пастырями, душу свою полагавшими за други своя, делившими с народом и радость, и горе. Тот же очевидец Павел Алеппский, описывая ужасы губительной эпидемии в 1654 г. в Коломне и округе, сообщает о подлинно героическом поведении священнослужителей, до конца оставшихся с паствой. Кроме того, что они постоянно совершали обычные службы, они днем и ночью находились в храмах, исповедуя и причащая привозимых туда умирающих людей. Никто из духовенства не уехал из пораженных эпидемией мест. Почти все священнослужители Коломны и окрестностей умерли. Храмы долгое время стояли без службы...⁵⁵

Такого высокого духовно-нравственного состояния духовенства Патриарх Никон достиг поощрением ревностных пастырей, рукоположением только достойных и строгими наказаниями нерадивых и распущенных. Вот что пишет об этом Павел Алеппский: «От того Бог отступился и тот навлек на себя Его гнев, кто совершил проступок или провинился перед Патриархом: пьянствовал или был ленив в молитве, ибо такового Патриарх немедленно ссылает в заточение. В прежнее время сибирские монастыри были пусты, но Никон в свое управление переполнил их злополучными настоятелями монастырей,

священниками и монахами. Если священник провинился, Патриарх тут же снимает с него колпак: это значит, что он лишен священнического сана. Бывает, что он сам сжалится над ним и простит его, но ходатайства ни за кого не принимает, и, кроме царя, никто не осмелится явиться пред ним заступником»⁵⁶. Но Алексей Михайлович решался заступиться далеко не часто. Павел Алеппский наблюдал очень знаменательный случай. В Саввино-Сторожевском монастыре царю бил челом один греческий диакон, которого святитель Никон сослал в этот монастырь с запрещением в служении. Диакон просил царя, чтобы ему разрешили служить. Царь ответил: «Боюсь, что Патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом, зачем же ты ставишь мне препятствия по отношению к монахам и священникам?»⁵⁷.

Патриарх, по выражению Павла Алеппского, «дошел даже до того, что отставил от должности келаря Святой Троицы», который брал взятки с богатых ратников Сергиевой Лавры, чтобы им не идти на войну, и посылал вместо них бедных. Келарь Троице-Сергиева монастыря был очень видным лицом в Церкви и государстве. Можно поэтому представить, какой общественный резонанс получило это дело. Виновного сослали в отдаленный монастырь, а вместо него был поставлен Арсений (Суханов)⁵⁸.

Патриарх Никон с согласия Алексея Михайловича ввел очень строгий надзор и за нравственным состоянием населения. При Никоне накануне Великого поста запечатывались все питейные заведения и лавки, где продавали спиртное, и оставались закрытыми весь пост и Светлую седмицу до понедельника, после Фомина воскресенья. Точно так же поступали и в другие посты, накануне воскресных дней и великих праздников. Церковные празднества должны были проходить в чистоте и радости духовной⁵⁹.

Несмотря на внешнюю суровость мер к нарушителям церковного благочиния, Никон отличался подлинным и глубоким человеколюбием. Став Патриархом, он не переставал принимать от народа челобитные и добиваться у царя быстрых и справедливых решения по ним. На праздничных патриарших трапезах, как правило, накрывался стол для нищих, слепых, увечных, бездомных людей. Многих из них (кто не мог есть сам) Никон кормил

собственноручно, а затем обходил этих людей, «умывая их, вытирая и лобызая их ноги»⁶⁰. Никон вообще очень заботился о нищих и бедных. Нелицемерная его любовь к народу была широко известна. Павел Алеппский свидетельствует, что они «слышали и видели от всех воевод, от других вельмож, священников и всех вообще москвитов благожелания, хвалы, благодарения и большую веру их к Патриарху, имя которого не сходит у них с языка, так что они, кажется, любят его, как Христа»⁶¹.

В российских условиях очень многое в работе церковно-государственного управления церковными делами зависело от того, насколько сильным и авторитетным было положение Главы Церкви — Патриарха. Поэтому всемерное укрепление патриаршего достоинства явилось у святителя Никона естественной составной частью всех деяний по укреплению авторитета Русской Церкви.

Хорошо зная, в каком скованном, слабом, а порой и униженном положении перед сильными мира находился его предшественник Патриарх Иосиф, Никон прежде всего дал понять и почувствовать, что Патриарх — не только человек, но как Глава и Предстоятель великой Поместной Церкви есть лицо, облеченное особой Божественной благодатью и властью и поэтому требующее к себе самого благоговейного отношения. Первыми это ощутили представители высшего сословия—царские князья и бояре. Павел Алеппский пишет: «Бояре прежде входили к Патриарху без доклада-привратников; он выходил к ним навстречу и при уходе шел их провожать. Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры царя и его приближенные сидят долгое время у наружных дверей, пока Никон не дозволит им войти: они входят с чрезвычайной робостью и страхом, причем до самого окончания своего дела стоят на ногах, а когда затем уходят, Никон продолжает сидеть»⁶².

На должную дистанцию святитель Никон сразу же поставил и своих прежних друзей — ревнителей благочестия. Привыкшие запросто входить к Патриарху Иосифу, спорить с ним, вмешиваться в управление Церковью, принимать самое деятельное участие в важнейших церковных делах протоиереи Неронов, Аввакум, Логгин, Даниил и другие были убеждены, что при Никоне их влияние еще более увеличится. Можно представить себе, как они были уязвлены, когда святитель Никон не только прекратил

советоваться с ними, но и не стал пускать их к себе «в крестовую», на что они многократно потом жаловались с подкупающей откровенностью. Люди, привыкшие вершить важные церковные дела, теперь уже не могли смириться с положением простых приходских священников... В этом первый толчок, зародыш и источник будущего раскола⁶³. Неронов впоследствии упрекал Никона: «Прежде ты имел совет с протопопом Стефаном и его любимыми советниками...» Наиболее определенно о взглядах раскольников на сущность их конфликта с Никоном высказывался игумен Феоктист в письме к Стефану Вонифатьеву, где он писал, что противники Никона желали бы о. Стефана иметь Патриархом вместо Никона, потому что о. Стефан будет строить мир Церкви, «внимая прилежно отца Иоанна (Неронова) глаголам»⁶⁴. Впоследствии старообрядство обусловилось и другими причинами и побуждениями. Но необходимо отметить, что самое начало оказалось заключено ни в чем ином, как в уязвленной гордости человеческой.

Патриарх Никон правил Церковью не только властно, но и в высшей степени мудро и умело. Теперь в полной мере обнаруживалось в этом замечательном человеке редкостное сочетание высокой монашеской духовности с большим даром деятеля крупного государственного масштаба.

Никон много содействовал тому, чтобы склонить царя на объявление освободительной войны Польше за воссоединение Украины с Россией. 23 октября 1653 г. в Успенском соборе Кремля Алексей Михайлович в торжественной речи к боярам и народу произнес: «Мы, великий государь и великий князь... советовав с отцом своим и богомольцем, *великим государем*, Святейшим Никоном, Патриархом Московским и всея Руси... приговорить изволили идти против недруга своего Польского короля»⁶⁵. Так впервые (по крайней мере всенародно) прозвучал этот необычный титул Патриарха Никона. С того времени по инициативе самого Алексея Михайловича святитель стал именоваться всюду, кроме богослужения, не «великим господином», как принято было для Патриархов, а «великим государем», одинаково с царем.

В мае 1654 г. Алексей Михайлович во главе русских войск отправился на войну с Польшей. Патриарх Никон оказался единственным человеком, которому царь вполне доверил не только свою семью, но и все государство. Хотя царь и в походе продолжал

решать сам важнейшие государственные проблемы, но почти все текущие дела были переданы Никону. Патриарх правил Россией фактически единолично в течение двух лет, организуя снабжение армии всем необходимым за церковный счет. Павел Алеппский свидетельствует: «Сколько тысяч войска и миллионов расхода потребовалось, и царь лично участвует в походе, который длится уже два года, а еще не открыли ни одного из (государственных) казнохранилищ, но всё получают от архиереев, монастырей и других»⁶⁶. В 1655 г. святитель Никон рассказывал Антиохийскому Патриарху Макарию: «Я дал ему (царю) десять тысяч ратников. От монастырей... и от архиереев дано столько же, от каждого сообразно с его средствами, с его угождями и доходами; даже из самых малых монастырей царь взял по одному человеку с вооружением и лошадью, припасами и деньгами на расход, ибо все монастыри пользуются щедротами царя и пожалованными им угождями, пока не наступит нужда, как ныне»⁶⁷. Эти слова Патриарха Никона ярко характеризуют отношение к церковным средствам Главы Церкви и всего русского общества того времени.

В этот период Никону пришлось решать множество дипломатических, торговых, административных и других важнейших государственных дел. Ни одно из них не пострадало. Царские чиновники трепетали теперь перед Патриархом не только потому, что он пользовался особым расположением царя, но и потому, что чувствовали его явное деловое превосходство. Князь Михаил Пронский, три князя Хилковы, князь Василий Ромодановский, которым было поручено управление Москвой, в ответ па распоряжения Никона обращались к нему весьма примечательно: «Великому государю, Святейшему Никону, Патриарху Московскому и всея Великия и Малыя России, *Мишка Пронский с товарищи челом бьют...*»⁶⁸.

В июле 1654 г. Россию постигло страшное бедствие — «моровое поветрие», как его называли (может быть, эпидемия чумы или иной смертоносной болезни). В Москве вымерло подавляющее большинство населения. Ко всем заботам Никона прибавилось спасение царской семьи, с чем он также прекрасно справился. В начале 1655 г. эпидемия прекратилась, и в столицу вернулись сначала Патриарх Никон с царской семьей, а затем и Алексей Михайлович. Во второе воскресенье Великого поста того же года в Кремле состоялись торжественные проводы царя, отправлявшегося

снова в поход. Это событие очень красочно и подробно описано Павлом Алеппским. Одна из картин проводов содержит, по выражению историка Церкви митрополита Макария (Булгакова), «драгоценные сведения о тогдашнем значении и могуществе Патриарха Никона»⁶⁹. Очевидец пишет: «Затем Патриарх Никон стал перед царем и возвысил свой голос, призывая благословение Божие на царя в прекрасном вступлении, с примерами и изречениями, взятыми из древних: подобно тому, как Бог даровал победу Моисею над фараоном и прочее, и из новой истории, о победе Константина над Максимианом и Максенцием и прочее, и говорил многое, подобное этому, в прекрасных выражениях, последовательно и неспешно. Когда он запинался или ошибался, то долго обдумывал и молчал: некому было порицать его и досадовать, но все молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоял, сложив руки крестом и опустив голову, смиренно и безмолвно, как бедняк и раб пред своим господином. Какое это великое чудо мы видели! Царь стоит с непокрытой головой, а Патриарх в митре. О люди! Тот стоял, сложив руки крестом, а этот с жаром ораторствовал и жестикулировал перед ним; тот с опущенной головою в молчании, а этот, проповедуя, склонял к нему свою голову в митре; у того голос пониженный и тихий, а у этого... громкий; тот как будто невольник, а этот — словно господин. Какое зрелище для нас!.. Благодарим Всевышняго Бога, что мы видели эти чудные, изумительные дела!»⁷⁰.

Алексей Михайлович пробыл в действующей армии до декабря 1655 г., затем вернулся в Москву, а 15 мая 1656 г. снова уехал на войну уже со шведским королем и вернулся только в январе 1657 г.

Во все периоды отсутствия Алексея Михайловича Никон продолжал быть главным правителем государства. В Патриархе признали великого государя, действительно равного царю не только по титулу! Свидетельства об этом содержатся в официальной печати. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 г., между прочим говорилось: «Должно убо всем, повсюду обитающим православным народам восхвалити же и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людям Своим сию премудрую двоицу, великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя Святейшего Никона Патриарха, иже... праведно

и подобно преданные им грады украшают, к сим суд праведен... храняще, всем всюду сущим под ними тоеже творити повелеша... Да даст же (Господь) им, государем... желание сердец их, да возрадуются вси живущие *под державою их*... яко да под *едином* их государским повелением вси... утешительными песньми славити имуть воздвигшаго их истиннаго Бога нашего»⁷¹.

Такого высокого и влиятельного положения не достигал ни один Глава Церкви. Это была точка наибольшего в русской истории возвышения духовного начала в жизни общества. Все это отнюдь не означало наличия каких-либо притязаний со стороны самого Никона, как Патриарха, на вмешательство в мирские и государственные дела! Никон правил Россией по просьбе личного друга и царя лишь временно, всегда считал, как мы потом увидим, своим законным делом только правление Церковью и тут же устранился от дел государственных, как только отпала в том необходимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

³⁹ *Каптерев*, с. 107.

⁴⁰ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 4—7; *Соловьев*, кн. V, с. 523.

⁴¹ *Соловьев*, кн. V, с. 521.

⁴² *П. Алеппский*. Путешествие..., вып. III, с. 91.

⁴³ *Ключевский*, с. 270—273.

⁴⁴ *Шушерин* «Известие...», с. 30.

⁴⁵ У Павла Алеппского находим подробное описание устройства Коломенского епархиального управления, в котором трудились вместе епископские и царские бояре. Первые подчинялись архиерею, вторые — государству (вероятно, Монастырскому приказу), осуществляя соответственно управление чисто духовными делами и делами по гражданским и уголовным искам на духовенство, служащих и крепостных крестьян епископии. «Путешествие», вып. II, с. 161—163. Обобщающие данные о подчиненности церковных дел того времени церковным и государственным инстанциям содержатся у митроп. Макария (Булгакова) — История Русской Церкви, т. XI, с. 182—204. Верное

суждение об этом высказано у М. В. Зызыкина. Патриарх Никон, ч. II, с. 9—10.

⁴⁶ *П. Алеппский*, вып. III, с. 47; митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 241.

⁴⁷ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 284—285, 286—290.

⁴⁸ Там же, с. 270.

⁴⁹ *П. Алеппский*, вып. II, с. 181, 187; вып. III, с. 160.

⁵⁰ Там же, вып. II, с. 166—167.

⁵¹ Там же, с. 104.

⁵² Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 789.

⁵³ *П. Алеппский*, вып. II, с. 108—109, 166.

⁵⁴ Там же, вып. II, с. 103—104; вып. III, с. 3.

⁵⁵ Там же, вып. II, с. 170—171.

⁵⁶ Там же, вып. III, с. 162.

⁵⁷ Там же, вып. IV, с. 129.

⁵⁸ Там же, вып. III, с. 162—163.

⁵⁹ Там же, вып. III, с. 121.

⁶⁰ Там же, вып. III, с. 180.

⁶¹ Там же, вып. II, с. 122.

⁶² Там же, вып. III, с. 47—48.

⁶³ К такому выводу приходят историки, далеко не симпатизирующие Никону. *Каптерев*, с. 109—112; митроп. *Макарий*, т. XII, с. 130.

⁶⁴ *Каптерев*, с. 109.

⁶⁵ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 231.

⁶⁶ *П. Алеппский*, вып. IV, с. 20.

⁶⁷ Там же, вып. III, с. 146—147.

⁶⁸ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 234.

⁶⁹ Там же, с. 235.

⁷⁰ *П. Алеппский*, вып. III, с. 145.

⁷¹ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 235.